

Рецензия
УДК 929
doi: 10.17223/2312461X/45/10

К вопросу об основном инстинкте *Homo sapiens*

Банников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации. М.: ИЭА РАН, 2022. 94 с. ISBN 978-5-4211-0300-4

Для цитирования: Луговой К.В. К вопросу об основном инстинкте *Homo sapiens* (рец. на Банников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации. М.: ИЭА РАН, 2022. 94 с. ISBN 978-5-4211-0300-4) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 210–218. doi: 10.17223/2312461X/45/10

For citation: Lugovoy, K.V. (2024) Towards basic instinct of *Homo sapiens* (Review of Bannikov K.L. Instinct to Harmonise Meanings. The informational theory of ethnicity: Aspects and interpretations. Moscow: IEA RAS, 2022. 94 p. ISBN 978-5-4211-0300-4). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 210–218 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/10

Человек – это животное, висящее в паутине смыслов, сотканной им самим.

Макс Вебер

Первое июля 2024 г. стало первым днем рождения Сергея Александровича Арутюнова, которое мы отпраздновали здесь, на этом свете, без него. Этот выдающийся мыслитель и любимый тысячами его коллег и сотнями учеников, оставил после себя колоссальное наследие, которое будет вдохновлять нас и, хочется надеяться, также наших учеников. Недавним образцом такого вдохновения является книга К.Л. Банникова

«Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации», написанная к 90-летию Сергея Александровича... в качестве тоста, и опубликованная, согласно пожеланию юбиляра, как есть, за исключением самоцензуры дионисийских оборотов. В итоге получилось чтение, безусловно, интересное, но и весьма непростое, как для понимания, так и для рецензирования. И начинается эта проблемность непосредственно с заглавия работы. Ведь если со второй его частью, «Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации» – всё более или менее понятно, то первой составляющей, «Инстинкт гармонии смыслов», автор бросает читателю откровенный вызов, заранее намекая на грядущий синтез поэтического и аналитического компонентов. О том же свидетельствует и выбранный автором эпиграф – завораживающие единством разума и чувств строки Бродского. Такая вот проверка алгебры гармонией и наоборот.

Однако искушенный читатель увидит в этом заглавии парафраз «инстинкта к комбинациям» Вильфредо Парето и обнаружит в тексте ссылку на его теорию «базовых человеческих инстинктов»: *«Теория “базовых человеческих инстинктов” Вильфредо Парето понимает под оными, с одной стороны, неудаляемые инстинкты, с другой – специфически человеческие свойства, составляющие (в силу “неудаляемости”) атрибутивный признак человеческой природы, без которого невозможно речь о специфически человеческом. Именно поэтому на первое место он выносит креативный “инстинкт” системообразования – “инстинкт к комбинациям”. Определение данного свойства сознания как “инстинкт” обусловлено тем, что системообразование не является предметом свободного выбора человека или следствием вынужденной общественной необходимости. Это органическое свойство сознания как такового».* То есть поэтичность названия книги опирается на совершенную логику и научные школы, ставшие уже классическими. И в этом есть своего рода особенность всего творчества Банникова, не разделяющего науку и поэтику, руководствуясь античной максимой: система есть гармония. И наоборот.

Впрочем, обо всем по порядку. Первый и самый объемный раздел книги, метко озаглавленный «Из научной биогеобиблиографии», судя по всему, призван усыпить бдительность читателя и создать у него иллюзию принципиальной традиционности юбилейного текста. Здесь Банников обстоятельно излагает основные этапы личного и научного пути С.А. Арутюнова, выделяя не только биографические факты, но и социокультурный контекст, определивший те или иные повороты действительно крайне интересной и насыщенной жизни большого ученого. Причем «обстоятельно» вовсе не означает «сухо» или «скучно», потому что основа лейтмотива этого раздела – безусловная любовь и уважение ав-

тора к юбиляру, которые звенят буквально в каждом абзаце. *«Выступление Арутюнова на конференции – это образующий конференцию фактор, или, во всяком случае, придающий ей некое особое качество. На вопрос “как прошла конференция?” один крупный ученый сказал: “Она состоялась. В ней участвовал Арутюнов”»*. И это – первое несомненное достоинство книги Банникова, заряжающее стандартный байопик эмоциональностью и создающее личностную интерференцию объекта и субъекта исследования.

Банников, используя оптику любви и уважения, внимательно следит за эволюцией своего героя, бережно вписывая его в интеллектуальный и социальный контекст. *«Сергей Александрович – личность титаническая. Таково было и время его молодости, когда сложилось уникальное поколение ученых-“шестидесятников”, для которых наука была работой, наверное, в самую последнюю очередь. А в первую – образом жизни и мысли, пространством реализации личной свободы»*. И в результате следующий шаг автора, отмечающий расширение ракурса от человека науки к человеку творчества, воспринимается как совершенно закономерный и естественный. *«Исследователь-интеллектуал ценит в предмете исследования проблему, которую он расчленяет до атомарной структуры. Исследователь-ученый – тайну строения мира, в мировой гармонии единства и многообразия систем. И в исследовании быта народа постигает бытийные смыслы. Ученые поколения Сергея Александровича привозят из экспедиций не только новые рефераты, статьи, монографии, но и поэтические сонеты»*. В дальнейшем образ Арутюнова-поэта будет возникать в книге неоднократно, каждый раз отмечая тот или иной аспект авторской мысли.

Следующий раздел книги, «Проверено кризисом», посвящен главному в теоретическом наследии С.А. Арутюнова – информационной теории этноса. Осветив основные ее положения и обстоятельства введения в научный оборот, Банников резюмирует: *«информационная теория этноса и цивилизации блистательно прошла “апробацию” главной современной информационной технологией, изменившей мир. А все потому, что автор вывел ее не из собственных фантазий, а из своей полевой работы. Он выкапывал ее лопатой археолога, добывал ружьем охотника, открывал вниманием собеседника в общении с людьми на их родных языках»*. Это замечание как нельзя лучше характеризует ту высочайшую степень «сонастройки», что отличает автора и его Учителя.

Дальше текст совершает акробатический этюд, и начинается самое интересное, важное и противоречивое в работе Банникова. Начиная с раздела «Антропный принцип», автор не только содержательно, но и стилистически меняет концепцию своей работы – от сформулированного им же биогеобиблиографического подхода он переходит к соб-

ственно социально-антропологическому исследованию и совмещает информационную теорию С.А. Арутюнова с актуальными культурными и политическими реалиями, чтобы через призму этой теории проанализировать причины, механизмы и метаморфозы современной европейской политической культуры, которые с ней случились, по мнению автора, вследствие перверсий глобализации, в которой эмиссия глобальных смыслов является производной от эмиссии глобальных финансовых потоков, осуществляемой теми же транснациональными элитами с аналогичными целями глобальной власти. Нет ничего более глобального на этой планете, чем нечто антропное, и в данном ключе автор рассматривает современный всесторонний кумулятивный кризис, предсказанный Арутюновым десятилетия тому назад: *«На лекции по поводу своего 80-летия Сергей Александрович, сравнивая кризисную фазу нашей цивилизации с Римской империей Диоклетиана. Прошло 10 лет, и мы находим себя уже в Риме Одоакра, и наблюдаем, как Запад шлет Востоку инсигнии, и новые геополитические разломы и водоразделы возникают на карте мира».*

Антропный принцип, указывает Банников, это константа не только космологическая, определившая логику развития Вселенной, но и социально-политическая: *«...в качестве доминирующего принципа управления миром утвердился антропный принцип».* В качестве примера его реализации в актуальной реальности приводится, в частности, феномен прав человека. Но и права человека для автора не столько политическое или юридическое понятие, сколько фон, на котором развивается новая реальность, тот «дивный новый мир», которого уже давно ждут и боятся мыслители самых разных направлений: *«Организаторы и модераторы прав человека позиционируют себя носителями власти от лица всей человеческой природы. Следовательно, они же определяют критерии истины и добра. Истиной и добром является все, что они объявляют добром и истиной».*

Кроме того, в рамках этого же подхода Банников в деятельности современной цивилизации выделяет основной нарратив, основанный на доминировании определенной скоординированной позиции, не терпящей никаких нюансов и отхождений от магистральной линии: *«Игнорирование мнений, альтернативных официальному, как и профанация подлинного научного знания, ведет к разрушению несущих конструкций общества, государства, системы в целом. Так современный всесторонний кризис, прикрытый инфодемией, т.е. пандемией лжи, стал моментом истины для так называемой “либеральной демократии” – кареты, превращающейся в тыкву».* Что же, в чем автору точно не откажешь, так это в радикализме и отчаянной смелости.

Далее, развивая тему функционирования антропного принципа в современном обществе, Банников затрагивает проблему соотношения эт-

ничности, воплощенной в традиционности, и моральных оснований существования социума. И если в традиционной культуре это соотношение определяло социальную эффективность, то в современности ситуация радикально поменялась в силу появления множественных технологий, способных влиять на человека и его эмоциональную сферу. Итог автор видит в стремительной абсурдизации культуры: *«в эпоху синхронных мультимедийных коммуникаций, воздействующих аудиовизуальными каналами на чувства скорее, чем на разум, воздействие на моральные и аморальные эмоции осуществляется при активной апелляции к абсурду. Мобилизация масс путем абсурда, управляемого посредством шоу – это то, что входит во все современные политические практики. Приучение к абсурду – известная технология власти».*

Отсюда Банников переходит к следующей итерации развития современной цивилизации – формированию системы глобальной манипуляции общественным сознанием, примеры чего он обнаруживает буквально на всех этажах социально-политической реальности: *«Недавний период локдаунов поставил над народами мира эксперимент на предмет выживания личности в условиях изоляции, десоциализации, атомизации».* Характерно, что здесь необычайно ярко проявляет себя любопытная особенность современного гуманитарного, прежде всего антропологического, знания – изучать людей значит быть с ними, в горе и радости, на самом острие их проблем и страхов, в результате чего научное исследование начинает опасно балансировать между объективной реальностью науки и субъективной реальностью человеческого мировосприятия. Более того, формируется особого рода субъект-объектный информационный синкретизм, сам достойный стать предметом научного анализа. Вопрос, кто же будет сторожить сторожей, судя по всему, наполняется новой актуальностью.

Далее в разделе «Власть и синхрония. Во власти синхронии» Банников переходит к противопоставлению виртуального (цифрового) и реального (аналогового) бытия и функционированию информационных потоков в этих инвариантах реальности. *«В аналоговой же реальности одновременно быть кем угодно не получается, потому что неигровая аналоговая среда основана на взаимосвязях и последовательностях, тогда как цифровая являет собой совокупность отдельных, не связанных друг с другом пикселей, каждый из которых доступен к актуализации одномоментно и без временной и смысловой протяженности, как кадры клипа».* То есть формирующаяся клиповая культура является таковой не в переносном, как это принято утверждать в большинстве современных исследований, а в самом непосредственном смысле этого слова.

Характеризуя клиповую культуру, автор выделяет ряд ее видовых признаков, – постмодернизм, антропоморфизм, инфантилизм, анти-

иерархизм, деконструкция, конструктивизм, антиинтеллектуализм, которые в своем холистическом единстве и образуют тот специфический социум, который мы привычно называем современной цивилизацией.

Раздел «Архаический синдром» продолжает развивать проблематику функционирования информационных потоков в разных типах обществ. Здесь на передний план выходит противопоставление синхронии и диахронии как частный случай глобальных противоречий между традицией и инновацией. И автор последовательно препарировывает все основные «болевые точки» современной культуры, уже получившие в широких кругах пренебрежительное клеймо «повесточки» – экологию, карнавализацию политики, массовую «голивудскую» культуру, сексуальную ориентацию, гипертрофированность прав сексуальных меньшинств, толерантность и политкорректность, культ потребления. Все это у Банникова складывается в единый мировоззренческий комплекс, формирующий концептуальную аксиологическую систему, практически диагностирующую культуру современного условного Запада.

Далее, в разделе «О мир! Ты – клип» автор продолжает анализировать особенности клиповой культуры и ее влияние на текущие социальные связи и отношения. Сформулировав тезис о том, что *«цифровой синхронный мир, за отсутствием аналоговых диахронных последовательностей, лишен и структурных взаимосвязей»*, он приходит к выводу, что *«извращения либерализма происходят вследствие тотальной синхронизации – синхронно быть кем/чем угодно, – и выражаются в архаизации и инфантилизации»*, и, более того, *«деградация смыслов и обществ начинается с десоциализации элит, что влечет приход к власти субъектов, не обладающих субъектностью, и личностей, лишенных лица»*.

Начиная со следующего раздела, озаглавленного «Монада и система», общая структура книги начинает замыкаться, моделируя не раз упоминавшийся Банниковым образ змея Уробороса, и вновь возвращается к информационной теории С.А. Арутюнова. Но переход этот Банников совершает через анализ последствий постмодернистской деконструкции западных ценностей: *«И вот мы видим, как бессистемный, бесструктурный, дезориентированный за монтажем ориентиров мир, замыкается собственными энергиями на себя, и тем самым переходит из состояния системы в состояние монады. За монадностью следует сингулярность, взрыв, и космогония начинается заново»*. Отсюда у автора возникает необходимость порассуждать об общей логике космогонических процессов, о сущности Космоса и Хаоса, об их роли в формировании культуры и социума. Что вполне органично в рамках поставленной задачи – вернуть текст и контекст к главному герою книги, Сергею Александровичу Арутюнову. Ведь *«в размышлениях над информационной теорией этноса Арутюнова возникает потребность вновь обратиться к первоначалам мысли и мироздания, и мыслей о мироздании»*.

В итоге, пройдя долгий путь от греческой философии до квантовой механики, Банников приходит к закономерному выводу, что *«информационная теория этноса Сергея Александровича – она также о законах информации в социуме, таких же объективных, как законы физики, и более того, поскольку законы информации лежат в основе и законов физики, и метафизики»*.

Следующий раздел, «Миру – миф!», посвящен анализу роли и места мифологических представлений в формировании аксиологической базы социума, которая, в свою очередь, создает основу для возникновения и закрепления идентификационных механизмов. Отмечая, что *«миф есть первая информационная теория этноса, созданная им самим как операционная система мышления, стало быть в мифологии отражена когнитивная эволюция вида»*, Банников пишет: *«как хаос обретает свойства, будучи выведенным из состояния покоя, так материя обретает информацию, будучи выведенной из состояния симметрии»*. Что, в свою очередь позволяет ему утверждать, что *«сама эволюция есть ни что иное, как поток информации о среде адаптирующей, воплощенной в телах адаптируемых, как означающее в означаемом. Асимметрия информации и материи, пространства и времени, формы и энергии, организма и среды, функции и органа – все это есть отношение знака и значения»*. Что вновь возвращает автора к космогонической мифологии и к теории С.А. Арутюнова, поскольку *«теория Арутюнова о том, как космогонические идеи создают племена, касты, нации, цивилизации»*.

Далее автор, в рамках все той же информационной теории, показывает некоторые перспективы развития современной цивилизации, предполагая, что человечество в рамках всеобщего глобализационного кризиса предпочтет формировать свои грядущие идентичности по лекалам этнокультурогенеза. И это, с точки зрения автора, неизбежно, поскольку *«перемена карты географии под властью этнографии – естественное состояние живого мира»*. Будущее при таком подходе оказывается за традиционализмом: *«инновации, сдерживаемые традициями – не прихоть консерваторов, но принцип существования и условие выживания социо-информационных систем»*.

Раздел «Антропность и этничность» призван поставить окончательную точку в воображаемой дискуссии о сущности этничности и этнической идентификации между конструктивистами и примордиалистами, и симпатии Банникова оказываются целиком на стороне вторых. *«Примордиальные парадигмы культуры обретаются не в биологии и географии, а в объективных законах информации, и закономерностях воздействия информации на социальные системы. И примордиалист Арутюнов блестяще показал это в своих “Народах и культурах”, и еще раз доказал в “Силуэтах этничности”*. И здесь же мы видим попытку вернуть современную этнографию в то, что автор называет «ее прекрасной

эпохой», формулируя этничность как *«системное состояние социума, которое формирует этнос как структурно-динамическую информационную систему, воплощенную в общечеловеческой биологии тел и внебиологических принципах адаптации этих тел к природно-климатическим, социально-психологическим и прочим средам»*.

Заканчивается «Инстинкт гармонии смыслов» небольшим, но невероятно поэтичным разделом «Песни людей – речи богов». И это логично, ведь посвящен он еще одной грани жизни и творчества Сергея Александровича Арутюнова – поэзии. Как пишет Банников, о слове, которое было в начале: *«то слово было стих, озвучивший стихию»*. И здесь, наверное, самым правильным будет обратиться непосредственно к поэзии Сергея Александровича, тем более, что, к счастью, такая возможность есть – в 2012 г. вышла его книга «Жизнь как текст», где представлены также прекрасные образцы его поэтического творчества.

Книга К.Л. Банникова «Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации» – необычайно интересная работа, прекрасно написанная, хорошо читаемая, но при этом провокационная и вызывающая физическую потребность постоянно спорить с автором. И это закономерно, поскольку Банников занимается живой антропологией, антропологией на линии огня, анализируя не абстрактные явления из иных мест и времен, а то, что касается каждого здесь и сейчас. Социальные страхи, мечты и галлюцинации оказались пропущены не только через исследовательскую методологию, но и через сознание исследователя, породив нечто совершенно новое в научном знании (или, наоборот, давно забытое) – феномен полной инкорпорированности ученого в предмет своего внимания. То есть этот ученый наконец-то спустился со своей башни из слоновой кости и оказался, как писала Анна Ахматова, «со своим народом». Испытывая те же боль, ярость, разочарование, но переформатировав их в исследовательский инструмент, точный и беспощадный. Как и полагается настоящему ученому.

И последнее, что хотелось бы сказать о книге Банникова, – она удивительно музыкальна. Читая ее, буквально слышишь музыку текста, когда речитатив сухих фактов перемежается взрывными аккордами множественных поэтических и интеллектуальных аллюзий, одинокий авторский голос переходит в полифонию цитат самого широкого спектра, а медитативность некоторых разделов разрывается критикой социальной реальности в духе протестных субкультур 1970-х. Это, конечно, в научной работе не главное, но радует и доставляет искреннее удовольствие.

Кирилл Владимирович Луговой

Информация об авторе:

ЛУГОВОЙ Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: keer.007@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kirill V. Lugovoy, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: keer.007@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 августа 2024 г.;
принята к публикации 1 сентября 2024 г.*

*The article was submitted 03.08.2024;
accepted for publication 01.09.2024.*